

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Полубояринов А.Р., Сурова Е.Д. — Общность природы идеологии и мифологии как объект социально-философского анализа // Социодинамика. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.10.68802 EDN: LSEXEX
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68802

Общность природы идеологии и мифологии как объект социально-философского анализа

Полубояринов Андрей Романович

аспирант, кафедра социальной философии, Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10к2, оф. 606

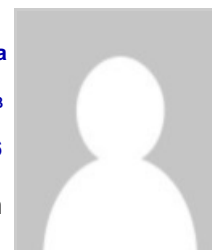
✉ poluboyarinovandrey@yandex.ru

Сурова Елизавета Дмитриевна

аспирант, кафедра социальной философии, Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10к2, оф. 606

✉ e.d.surova@gmail.com

[Статья из рубрики "Идеология и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.10.68802

EDN:

LSEXEX

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2023

Аннотация: В данном исследовании авторы рассматривают мифологию и идеологию, их природу и происхождение, а также процессы их взаимоотношений. Утверждается, что идеология и мифология являются во многом взаимосвязанными явлениями, однако нередуцируемыми друг к другу. Между ними устанавливаются не императивные, а, скорее, комплиментарные отношения, когда они в процессе взаимодействия заимствуют те или иные элементы и структуры друг друга. Общность их природы и происхождения проявляется в общности их свойств и функций. Идеология имеет две стороны: рациональную и иррациональную. Исследование показывает, что иррациональная

сторона идеологии является не менее важной и оказывает не меньшее влияние на конечных потребителей идеологии, чем ее рациональные и научные элементы. Иррациональная сторона выражается в мифическом, бессознательном, аффективном и воображаемом. Научная новизна исследования состоит в раскрытии сущности идеологических мифов, обозначающих мифы в структуре идеологии, установлении «мифомоторики» идеологии, а также выделении основных свойств идеологии и мифологии: стихийность и хаотичность происхождения; неорганизованный и ацентричный характер; развертывание в различных социальных полях и измерениях; передача одного и того же сообщения посредством нескольких кодов; всестороннее и всеобъемлющее воздействие на конечных потребителей; отсутствие полной ясности и ускользание от анализа; ритуальность и повторяемость. Делается вывод, что функциональная роль мифов в идеологии состоит в том, что они заполняют пустоту, образующуюся между идеологической системой и социальным порядком в тех местах, где они не соответствуют или открыто вступают в противоречие друг с другом.

Ключевые слова:

философия, социальная философия, идеология, мифология, социальная мифология, идеологическая мифология, идеологический миф, первобытный миф, социальный миф, иррациональность

Дуализм идеологии. Идеология представляет собой определенную структуру, которая простирается в области как сознательного, рационального, так и бессознательного, дорационального, мифического. Т. Иглтон писал, что «рационалистический взгляд на идеологию как на осознанную, хорошо артикулированную систему убеждений очевидно не адекватен: он упускает аффективные, бессознательные, мифические или символические стороны идеологии; а также способ, конституирующий жизнь субъекта, явно спонтанные отношения к властным структурам и невидимую окраску повседневной жизни» [\[1, с. 221\]](#).

Несмотря на то, что Антуан Дестют де Траси ввел термин «идеология» как «науку об идеях», то есть постижение идей рациональным научным образом, позднейшие исследования показывали, что идеология имеет также скрытый, бессознательный характер. «Еще один важнейший признак идеологии – это ее таинственность, неразлагаемость на чисто рациональные начала. Идеология всегда апеллирует к некоей таинственной экзистенции, которую нельзя до конца выразить в речи и о которой нельзя привести рациональных понятий и доказательств» [\[2, с. 53\]](#). Л. Альтюссер говорил, что идеология представляет собой, скорее, особого рода «переживание» субъектом материальных условий его существования, в котором сплетается воображаемое с реальным.

Основной тезис данного исследования состоит в том, что идеология и мифология имеют общность своей природы тогда, когда идеология опирается не на истинные, научные знания, а на иллюзорные и ложные. Идеология в своей иллюзорности становится практически неотличимой от мифологии и перенимает ее основные свойства и функции. Идеология может как включать в себя определенные мифы, так и создавать их самостоятельно.

Характеристика идеологии в контексте марксистской социальной философии. Важное место при исследовании природы и сущности идеологии занимают труды К.

Маркса и Ф. Энгельса. Особый исследовательский интерес представляют их ранние работы по данному вопросу, а именно «Немецкая идеология». Вместе с тем, проблематика, связанная с идеологией и соответствующими изменениями в сознании, присутствует также и в более поздних трудах, таких как «Капитал» К. Маркса.

Закладывая основы формирования материалистического понимания истории, К. Маркс определяет, что «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни» [3, с. 16]. Сознание воспроизводит окружающую действительность, но под воздействием идеологии восприятие определенным образом искажается. Прояснить реальное положение вещей можно только избавившись от идеологии с помощью критики. Отсюда проистекает понимание идеологии как формы ложного сознания, хотя сам К. Маркс формулировку «ложное сознание» не использовал. Она появится позднее у Ф. Энгельса в письме Ф. Мерингу 1893 года: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом» [4, с. 83]. Однако на этом анализ идеологии К. Марксом не исчерпывается, и он рассматривает также другие стороны идеологии.

Тот социальный класс, который владеет основными средствами производства и практика производственной деятельности которого широко распространена в обществе, выступает господствующим классом. Именно идеи и взгляды господствующего класса начинают преобладать в обществе. «В каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т.е. тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила» [3, с. 36]. Идеология господствующего класса выступает уже не как «ложное сознание», а становится близко к понятию «мировоззрения» соответствующего класса. Материальная деятельность выступает одновременно как отправной точкой в формировании идеологии, так и ее самым откровенным и непосредственным воплощением.

Вместе с этим, К. Маркс обозначает пределы господства и распространения идеологии. «В то время как в обыденной жизни любой лавочник отлично умеет различать между тем, за что выдает себя кто-нибудь, и тем, что он есть в действительности, наша историография еще не дошла до этого тривиального познания» [3, с. 40]. На уровне опыта и материальной деятельности навязываемая и проводимая господствующим классом идеология в какой-то момент обнаруживает свою несостоятельность, хотя правящая элита стремится «для достижения своей цели... представить свой интерес как общий интерес членов общества, т.е. выражаясь абстрактно, придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые» [5, с. 47]. Тогда становится возможно разоблачить идеологию и обнаружить вещи такими, какие они есть на самом деле, а точнее вещи воспринимаются определенным классом со свойственной именно ему системой ценностей и естественно-научной парадигмой в отличие от навязываемых господствующим классом чуждых мыслей и идей. Как замечает Т. Иглтон, что «идеологическое сознание вовлечено в двунаправленное движение инверсии и дислокации. Такие идеи овладевают социальной жизнью индивида и в тоже самое время становятся абсолютно несвязанными с ней» [1, с. 78].

Отсюда проистекает некоторая сложность с определением идеологии как «ложного

сознания». Если сознание является отражением материальной деятельности, то в самой материальной деятельности должен быть заложен некоторый момент ложности, иллюзорности, чтобы сознание воспроизвело его и стало ложным. Данная трудность размывает границы ложности непосредственно сознания и переносит проблему из умозрительной, когнитивной сферы в область материальную и деятельную. В связи с чем, сознание не может быть ложным по отношению к своему объекту, так как оно само является его частью и воспроизводит вполне адекватно те противоречия, заложенная ложность которых впоследствии передается сознанию.

По сравнению с более ранней работой «Немецкая идеология» в «Капитале» идеология является не только формой сознания, но и самой объективной реальностью капиталистического производства, вместе с которой идеология переходит в сознание индивидов. «Если в «Немецкой идеологии» идеология заключалась в том, чтобы не видеть вещи такими, какие они есть на самом деле, то в «Капитале» речь идет о том, что сама реальность двулична и обманчива» [\[1, с. 87\]](#).

Итак, в работах К. Маркса и Ф. Энгельса идеология выступает, как минимум, в трех смыслах: идеология как «ложное сознание», идеология как «мировоззрение» господствующего класса, которое выражает и навязывает его материальные интересы остальным классам, а также идеология как форма классовой борьбы, которая представляет собой систему убеждений и ценностей соответствующих классов.

В целом, для данного исследования важно отметить, что идеология является определенным состоянием сознания соответствующего класса. С эпистемологической точки зрения «в идеологиях могут сосуществовать как элементы истины, так и элементы иллюзии» [\[6, с. 355\]](#). Уходящий в прошлое социально-экономический строй терпит все больше неудач и порождает все больше иллюзий, что делает идеологию соответствующего ему господствующего класса более абстрактной, ложной и иллюзорной, практика же нового прогрессивного социально-экономического строя подтверждает большую истинность и большую объективность идеологии нового класса.

Изменение предназначения мифов в обществе. Теперь обратимся к мифам. Зародившись в первобытном обществе, миф помогал человеку справляться с трудностями жизни, осмысливать те явления, которые невозможно познать, организовывать социальные связи индивидов. Человек первобытного общества воспринимал миф как нечто реальное, так как миф означал опыт предков, которому стоит доверять.

Трансформируясь, к современной эпохе миф получает новое предназначение – выявлять и разрушать несоответствия между духовной составляющей человека и не всегда устраивающей его социальной реальностью. Функция мифа заключается в том, чтобы согласовывать внешний объективный опыт человека и его душевные переживания. Миф предназначен для того, чтобы те явления, которые в данный период времени невозможно познать, могли быть осмыслены человеком [\[7, с. 15-22\]](#). Именно здесь прослеживается сходство функций идеологии как «переживания» по Л. Альтюссеру и мифа как особой формы «согласования» и «объяснения» социальной реальности для человека, что говорит об общих корнях мифа и идеологии.

Мифы как источник идеологии. Связь идеологии с мифологией выражается также в том, что мифология, являясь превращенным социальным знанием, представляет собой источник и компонент идеологии. В данном случае ее функция заключается в том, чтобы объединить научное знание и элементы идеологии, такие как ценности, ориентиры и

образ будущего [\[8, с. 63\]](#). «Псевдонаучное социальное знание можно сравнить со связующей, остаточной жидкостью, заполняющей собой все свободные «поры» и «полости» общественной идеологии, – его используют тогда, когда нельзя использовать все остальные элементы этого института, и идеологу остается только один выход – подключить социальную псевдонауку для обоснования своих выводов. Часто к этому присоединяются эмоции и убеждения, которые дополняются примитивными алгоритмами действий и практических ориентиров...» [\[8, с. 63\]](#).

Идеологическая мифология. Возникающие мифы в ходе истории постепенно становятся частью национального политического менталитета и трансформируются в идеологические мифы под влиянием интересов различных социальных групп. Идеология и мифология являются составляющими повседневного политического сознания. Идеологическая мифология выражает собственно идеологию с преобладающим иррациональным компонентом. Идеологический миф возникает как результат интерпретации мифа в структуре идеологии. Идеологический миф формируется на основе интересов соответствующих социальных классов, которые определяют содержание и форму представления такого мифа. Идеологический миф предоставляет индивиду шаблоны мышления и поведения, используемые им на бессознательном уровне. Идеологические мифы могут создаваться целенаправленно, и тогда этот процесс будет называться мифотворчеством, а могут возникать стихийно, в таком случае данный процесс будет являться мифологизацией.

«На идеологическом уровне происходит активная эксплуатация некоторых свойств, присущих мифу, что ярко проявляется в мифотворческих процессах» [\[9, с. 35\]](#). Примером идеологического мифотворчества может служить миф о благородном происхождении в идеальном государстве Платона, где «примесь» различных металлов к природе человека определяет их социальное положение в государстве.

Специфика идеологического мифа в том, что он передает знания об обществе, но в тоже время искажает и порой трансформирует их до неузнаваемости. Мифы могут развиваться и трансформироваться как внутри себя, так и вместе с идеологией. Познание в идеологических мифах смешивается с эмоционально-чувственными атрибутами. Идеологический миф, во-первых, излагает события, применимые к наличной ситуации в государстве; во-вторых, подвергается направленной рационализации; в-третьих, может возникать стихийно, однако чаще создается целенаправленно; наконец, зарождается в сознании соответствующего класса.

Идеологический миф может оказывать как положительный (вселять в субъекта уверенность, веру в успех), так и негативный эффект (содержать предрассудки, подталкивать к крайнему экстремизму). Идеологический миф является обязательной составляющей идеологии и не может быть искоренен путем его рационализации.

«Мифомоторика» идеологии. Воздействие мифа на идеологию осуществляется через «мифомоторику». Миф является обращением к прошлому, которое проливает оттуда свет на настоящее и будущее [\[10, с. 83\]](#). «Мифомоторика» идеологии переориентирует побуждающую и движущую силу мифа на устанавливаемые ею цели. Миф заключает в себе определенный движущий механизм постоянной самоактуализации прошлого в настоящем и настоящего в прошлом, который выполняет две функции: обосновывающую и контрапрезентную или противопоставляющую.

Обосновывающая функция мифа заключается в том, что он показывает настоящее в контексте истории как «правильное», «необходимое». Первая функция обосновывает

существование настоящего или будущего положения вещей в рамках определенного нарратива, задаваемого прошлым. Контрапрезентная – наоборот: миф на примере истории указывает на недостатки настоящей действительности. Вторая функция обеспечивает противопоставлением «героической» эпохи мифа и настоящего. Эти функции применимы не к самому мифу, а к его значению, смыслу в настоящем, к силе, посредством которой миф влияет на людей.

В случае, когда интересы того или иного социального класса вступают в противоречие со сложившимися производственными отношениями, контрапрезентная мифомоторика может приобретать революционный характер, то есть подвергать современные явления критики, призывать к их изменению. Контрапрезентная мифомоторика показывает прошлое как политическую и социальную утопию, к которой необходимо стремиться [\[10, с. 85\]](#). Эта функция служит противопоставлением «героической» эпохи мифа и настоящего.

Таким образом, миф может служить инструментом для внедрения изменений в социальную действительность, толчком для их начала. Революционный преобразующий характер мифа, окрашенный той или иной идеологией, становится инструментом настоящей идеологической борьбы. Прошлое трактуется не как навсегда ушедшая и утраченная «героическая» эпоха, а как утопия и идеал социального устройства, для осуществления которого люди должны прилагать усилия.

Инерционная сила прошлого, которая заключается в мифе, каждой идеологии служит по-разному. Идеология конструирует мифы таким образом, чтобы прошлое было не только свидетелем, но и обоснованием истинности актуальных идеологических положений.

Общие свойства мифов и идеологии. Идеология рационализирует и в какой-то степени упорядочивает стихийную и хаотичную природу мифов, в тоже время мифы придают идеологии неуловимый и постоянно множась характер. Применение мифов в идеологии обеспечивает (или только создает видимость) ее древним фундаментом, который изначально подвергает дифференциации социальное пространство в соответствии с установленной идеологией системой дифференциации, при том, что воздействие мифа носит принципиально неорганизованный характер. К. Леви-Стросс, анализируя древние мифы, формулирует, что мифологическое поле начинается в произвольной точке и методически простирается в различных измерениях. «Зачастую канва, на которой вышивают миф, дается опытом» [\[11, с. 144\]](#). Разрозненные мифы, включенные в одну идеологию, передают одно и тоже сообщение посредством нескольких кодов. Различия в артикуляции мифов, зависящих от культурных, социальных, экономических и прочих факторов, зачастую сохраняют неизменным мифологическую основу.

Под воздействием рационализации и упорядочивания идеологические мифы перетекают в идеологические программы. Применение мифологического компонента увеличивает эффективность функционирования идеологии [\[12, с. 19\]](#).

А-центричность мифа заимствуется той или иной идеологией, создавая паутину смыслов, объяснительных и оправдывающих механизмов. «У мифа нет абсолютного единства или истока. Его центр или исток – это всегда лишь тени, то есть неуловимые, неосуществимые, а главное, несуществующие возможности» [\[13, с. 456-457\]](#). В свою очередь, действуют и обратные тенденции в мифологическом поле, подверженном империалистическим амбициям идеологии, которые заключаются в централизации и структуризации а-центричности мифов и их символического порядка. Мифу или системе

мифов придается более широкая логика и устанавливается более глубокая система смыслов, непосредственно связанная с идеологией.

Идеология посредством мифов принимает а-центричность и производит диверсифицированное и всестороннее воздействие на конечных потребителей идеологии, для которых идеология может приобретать разрозненный по сферам жизни, но в тоже время всеобъемлющий характер. Однако именно структурный анализ мифов внутри идеологии возвращает их секретную организацию. Особенность сводимых к какой-то одной идеологии мифов заключается в общности свойств, которые существуют вопреки различиям между конкретными мифами.

Структуры идеологических мифов обладают чертами порождающих матриц, выполняющих свою функцию посредством последовательной деформации различных типов, которые можно представить в виде упорядоченной серии и которые позволяют вплоть до мельчайших деталей изучить каждый конкретный миф, взятый в индивидуальности.

Большинство мифов в целом и, в частности, идеологических мифов организуются в замкнутые группы [\[14, с. 76\]](#). Различным группам мифов присущи внутренние принципы организации, которые движут и выкристаллизуют мифологический материал. В каждом идеологическом мифе зачастую имплицитно закладываются все формы и содержание ассоциированной с ним идеологией. Однако полной ясности в идеологическом послы мифов не просматривается [\[14, с. 133\]](#).

Особенности природы мифов связаны со способом их генезиса. Мифы не сводятся к какому-то одному коду и не являются простым сложением нескольких кодов. Определенная группа мифов сама учреждает код, превосходящих по своей силе те, что используются для шифровки многочисленных сообщений, которые содержатся в мифе. Идеология приносит сложившейся системе мифов некое всеобщее значение, отличающееся от того, которое присуще каждому мифу в отдельности.

Функциональная роль мифов в идеологии зачастую заключается в заполнении пустоты и незавершенности в тех местах, где существует непреодолимый разрыв между идеологией и украденным и поработанным ею социальным порядком. В таких ситуациях мифы служат системой правил, элементы которой свободно комбинируются для передачи различной информации. Не только идеология, но и мифология закладывает глубинные механизмы систем дифференциации внутри социальных групп. К. Леви-Стросс, исследуя мифы Северной Америки, заключает, что уже первобытные мифы учреждают внутренний порядок, «который в рамках определенной социальной группы позволяет установить различие между высшими и низшими, между людьми благородного происхождения и рядовыми членами общины» [\[15, с. 267-268\]](#). Иными словами, мифы содержат в себе основу для дальнейшей типологизации социальных связей и отношений.

Однако для мифологического производства характерно иносказательное, искаженное отображение идеологической реальности. На результаты идеологической дедукции мифы накладывают свою трансцендентальную дедукцию, которая гипостазировывает крайние формы идеологического выражения и порождает целый ряд образов, абстрактно разрешающих идеологические противоречия и споры. Вместо истинного изменения социального пространства миф завершается мнимым слиянием идеологических противоречий.

События, описанные в мифе, представляются как образец для будущего воспроизведения. Мифология отличается от науки и схожа с идеологией в понимании Т. Иглтона тем, что вместо использования логики, апеллирует к символу. Как и идеология,

она имеет аффективные, бессознательные стороны и не должна рассматриваться только через призму рационального.

А.Ф. Лосев утверждал, что «любая вещь, проходя сквозь сознание, является символической, то есть мифической, в конечном счете» [\[16, с. 412-413\]](#). Попадая в реальность, символ мифологизируется и описывается с точки зрения существующей социальной парадигмы.

Несмотря на свою символичность, миф не есть только вымысел, по мнению А.Ф. Лосева, а является также бытием человеческого общества: «Миф есть сама реальность, сама жизнь» [\[13, с. 412-413\]](#). Множество мифов содержат переносный смысл, описывают иную действительность, которой сами не являются. Однако, в тоже время миф сам по себе существует как «подлинная реальная действительность, не метафорическая, не иносказательная, но совершенно самостоятельная» [\[17, с. 69\]](#).

Миф не является продуктом целенаправленного творения. Миф есть нечто эфемерное, которое существует, прежде всего, в индивидуальном или коллективном сознании, служит основой для формирования сознания, а также проявляется и реализуется в результате работы сознания.

Мифы формируют мифологическое мышление, характеристиками которого называют разделение субъекта и объекта, предмета и знака, существа и его имени, пространственных и временных отношений, происхождения и сущности. Иными словами, мифологическому сознанию уже присуще первичные системы дифференциации и типологизации.

Существующий разрыв между идеологией и социальным порядком, который заполняют мифы формирует утверждение существования некоего мира, бытие которого заключается в его непохожести. Мифологическая спекуляция на основе реальных оппозиций и противоречий изображает мир в его первичной асимметрии, которая проявляется различным образом в соответствии с перспективой его восприятия субъектами идеологии. «Чтобы состоялось рождение мифа и он породил, в свою очередь, другие мифы, необходимо и достаточно проявления в совокупном опыте некоей начальной оппозиции, вслед за чем будут порождены другие оппозиции» [\[18, с. 571\]](#). Мифы, скорее, дают временные и локальные ответы на проблемы, поставленные непреодолимыми противоречиями, существующими между идеологиями и социальным порядком, и пытаются в этом случае узаконить их или же замаскировать. Содержание мифов является не предшествующим, а последующим по отношению к этому первому порыву.

Мифы не предлагают решение идеологических противоречий, но они указывают на внутренние движущие силы функционирования общества. Идеология использует мифы как особый прием, который приспособливает бессознательное к некоей интуитивно воспринятой поэтической структуре. Только в мифологическом универсуме существенные объективные различия между идеологией и социальным порядком могут стать неразличимыми.

Социальное воздействие идеологического мифа зачастую сводится к обрядам и ритуалам. «Когда мифу больше нечего сказать, он существует только благодаря повторению» [\[19, с. 93\]](#). Обряды и ритуалы призваны заполнить пустоту социальных практик, возникающих между идеологическими принципами и реальными социальными отношениями.

Характерной особенностью мифа является его постоянное ускользание от анализа и принципиальная невыразимость. «Темы множатся до бесконечности. Если в какой-то момент покажется, что нам удалось вычленить отдельную тему, то вслед за этим приходится констатировать, что она снова сливается с другими в силу обнаружения новых, непредвиденных ранее сходств. Следовательно, единство мифа проявляется лишь как проект и тенденция, но не как состояние самого мифа. Это единство есть воображаемое явление, порожденное усилиями интерпретации» [\[18, с. 15\]](#). Идеология, воспроизводя мифы древности или генерируя новые, сливается с мифом и перенимает его основные характеристики. В мифе идеология приобретает бесконечность смыслов и постоянную самоактуализацию. Подобно тому, как «мифологическая мысль признает природу лишь тогда, когда способна ее воспроизвести» [\[18, с. 324\]](#), идеология производит только те мифы, которые могут быть ей воспроизведены и встроены в ее структуру.

Рассмотрение взаимосвязей мифологии и идеологии буржуазии Р. Бартом. В работе «Миф сегодня» Р. Барт пишет, что миф – это слово, но это не любое слово. Это слово, подкрепленное определенным контекстом, часто социальным, обладающее адресностью [\[19, с. 277\]](#). Миф действительно должен существовать в определенном историческом, социальном контексте. В определенной культуре или эпохе он будет актуален, в другой – нет. В этом его историчность, идеологичность.

Мифу присуще превращение истории в природу [\[19, с. 289\]](#). Потребитель мифа воспринимает определенный исторический факт вне каких-либо доказательств. Так, будто это знание есть а priori и не требует подтверждения. Те же характеристики Р. Барт приписывает буржуазной идеологии [\[19, с. 304\]](#). При этом миф есть не просто ложное знание, а скрытое, деформированное, подмененное [\[19, с. 289\]](#).

Буржуазия, по Р. Барту, есть социальный класс, не желающий быть названным [\[19, с. 299\]](#). Мы можем предположить, что буржуазная идеология «скрыта». Пока представление об этой идеологии кажется нам природным, а не историчным, она имеет право на существование. Но когда мы обнаружим эту идеологию, увидим ее, как она есть, она потеряет свою мифичность, и тем самым, возможно, перестанет быть идеологией, не сможет выполнять свои функции. Можно сказать, что мифология буржуазии в том, что у нее нет идеологии.

В связи с этим важно сказать, что с мифом, согласно Барту, невозможно бороться, потому что миф всегда может сделать так, чтобы им обозначалось оказываемое ему сопротивление [\[19, с. 296\]](#). Когда мы пытаемся побороть старый миф, мы создаем новый миф о наивности мифа предыдущего. Если мы отрицаем наличие у определенного класса идеологии, это не значит, что ее нет, это значит, что она существует в виде мифа. В случае с буржуазией отсутствие ее идеологии представляет собой миф.

Чтение и дешифровку мифов Р. Барт отводит мифологу, который возвращает знание от природного к историчному, идеологизирует его. Р. Барт пишет: «Возможно, лучшее оружие против мифа в свою очередь мифологизировать его, создавать искусственный миф, такой реконструируемый миф как раз и оказался бы истинной мифологией» [\[19, с. 296\]](#).

Создание мифа за счет дискредитации предыдущего – это и есть идеология. Устранение мифа, которое не влечет появления нового, есть истинная мифология. В данном случае идеология есть целенаправленное создание ложного знания, а мифология является

подменой, деформированием знания, которое возникает стихийно.

Заключение. К. Леви-Стросс в «Структурной антропологии» писал, что «ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую» [\[20, с. 217\]](#). Общность природы мифологии и идеологии выражается, прежде всего, в том, что эти явления представляют собой определенный способ организации воображаемого или символического и реального порядков, а также их взаимодействия. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» определили сущность идеологии в том, что она является «испарениями материального жизненного процесса» [\[3, с. 16\]](#). В данном исследовании рассматривалась идеология как форма и состояние сознания соответствующих социальных классов своих материальных интересов, причем, сознания не рационального, а ложного, превращенного, превратного и наполненного мифами. Мифическая сущность идеологии определяется специфическим характером мифа, черты и структуры которого впоследствии интегрируются и воплощаются в идеологии. Мифология и идеология образуют идеологические мифы, которые формируются в зависимости от интересов соответствующих социальных классов. «Мифомоторика» идеологии заключается в том, что указанное в мифах прошлое имеет инерционную преобразующую силу по отношению к настоящему. Также на основе проведенного анализа выявлены следующие свойства, характерные как для мифологии, так и для идеологии: стихийность и хаотичность происхождения; неуловимый и постоянно множющийся продуцирующий механизм; фундамент для систем дифференциации и введения различий; неорганизованный характер; развертывание в различных социальных полях и измерениях; передача одного и того же сообщения посредством нескольких кодов; социальная, экономическая, культурная и прочая обусловленность артикуляции идеологии и мифов; а-центричность и диверсифицированность; всестороннее и всеобъемлющее воздействие на конечных потребителей; отсутствие полной ясности и ускользание от анализа; принципиальная невыразимость; бинарные механизмы формирования оппозиций; трансцендентальная дедукция; бессознательная поэтическая структура; ритуальность и повторяемость. Идеология может как интегрировать уже сформулированные мифы в свою структуру, так и производить собственные. Однако не каждый миф может использоваться идеологиями для своих целей, а лишь тот, который идеология способна встроить в свою структуру и воспроизвести.

Библиография

1. Иглтон Т. Идеология: введение. Лондон: Verso, 1991.
2. Орехов А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук. М.: ИНФРА-М, 2014.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Партийное издательство, 1933.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1966.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.3. М.: Партийное издательство, 1933.
6. Корнфорт М. Диалектический материализм. М.: Издательство иностранной литературы, 1956.
7. Юнг К. Архетип и символ. М.: Psychologie und Alchemic, 1999.
8. Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса: монография. М.: ИНФРА-М, 2023.
9. Иванов А.Г., Целыковский, А.А. Современная мифология и идеология как

- регуляторы общественной жизни // Вестник ВГУ. 2017. №2 (24). С. 33-41. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2017/02/2017-02-04.pdf> (дата обращения: 23.04.2023).
10. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
 11. Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Том 2. От меда к пеплу. М.: Университетская книга, 2000.
 12. Полякова И.П., Целыковский А.А. Идеология и политическая мифология в повседневном сознании // Вестник ЧелГУ. 2019. №8 (430). С. 17-21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-politicheskaya-mifologiya-v-povsednevnom-soznanii> (дата обращения: 13.04.2023).
 13. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000.
 14. Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Том 3. Происхождение застольных обычаев. М.: Университетская книга, 2000.
 15. Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Том 4. Человек голый. М.: Университетская книга, 2007.
 16. Счастливец Е. Очерки развития феноменологической мысли в России. М.: Летний сад, 2012.
 17. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2008.
 18. Леви-Стросс К. Мифологии. В 4-х тт. Том 1. Сырое и приготовленное. М.: Университетская книга, 1999.
 19. Барт Р. Миф сегодня // Мифологии. М.: Академический Проект, 2008.
 20. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Академический Проект, 2008.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи обладает несомненной актуальностью, причём в данном случае можно говорить и о её актуальности для теоретических исследований в области социально-гуманитарных наук, и о практической злободневности вопроса о природе идеологии и её месте в жизни общества. Автор пытается выявить черты сходства и различия между мифологическим сознанием и идеологией, делая при этом акцент, однако, на моменте сходства, что получило отражение и в названии статьи. К сожалению, рассматриваемую попытку анализа соотношения мифологии и идеологии трудно признать вполне удачной. Отстраняясь от содержательной дискуссии, которая в данном случае не может быть настолько «компактной», чтобы соответствовать формату рецензии, отметим недостатки представленного текста, не связанные с различиями в понимании автором и рецензентом «природы идеологии». Прежде всего, бросается в глаза отсутствие в статье упоминаний об одном мыслителе, который – как бы ни относиться к его наследию и его роли в истории – обязательно должен был быть здесь упомянут, и этот мыслитель, как нетрудно догадаться, – Карл Маркс. Если автор стремился с помощью подобной «фигуры умолчания» заставить «осведомленного» читателя вспомнить о Марксе, то эта цель, несомненно, достигнута. В самом деле, автор говорит об «изобретателе термина» «идеология», но ни слова не говорит о Марксе, раскрывшем «тайну идеологии», то есть сформировавшем само понятие, отражающее этот феномен политической культуры, и поэтому совершенно невозможно понять, из

какого понятия идеологии автор в действительности исходит. В соответствии с этим и большая часть приводимых в статье материалов носит крайне неопределённый, абстрактный характер. Прочитаем для примера следующий фрагмент: «Я. Ассман отмечает, что миф является обращением к прошлому, которое проливает оттуда свет на настоящее и будущее». Простите, а зачем в этом случае ссылаться на «Я. Ассмана», это разве какое-то открытие? Эта формула настолько проста и, безусловно, справедлива, что не требуется отсылки к «авторитетам», чтобы читатель принял столь несложное утверждение. И, конечно, подобная ситуация была бы невозможна в тексте, если бы в нём были учтены результаты исследований, основанных на материалистическом понимании истории, раскрывающие «превращённый» и «превратный» характер этой формы сознания. Но в том-то и дело, что идеология в рецензируемом материале вообще не соотносится с мировоззрением социальных групп, объективно различающихся по своему месту в общественном производстве и, как следствие, по месту в общественной жизни и специфике тех форм сознания, в которых эта жизнь отражается. Напротив, мифология превращается в некое «естественное основание» идеологии, с чем, очевидно, читатель должен теперь прости смириться: «мифы в ходе истории постепенно становятся частью национального политического менталитета и трансформируются в идеологические мифы». Во-первых, почему только идеологические? Мифология – основа всей человеческой культуры, и в чём-то (но, разумеется, не в политической сфере, слишком динамичной для этого) – основа непреходящая. Но, во-вторых, «национальный политический менталитет» – один и тот же для всех социальных слоёв, для всех классов общества? Если да, то «идеология» – предельно абстрактный термин, «сфера идей вообще», и ни в каком соотношении с мифологическим сознанием он не нуждается. Думается, автору всё же следовало бы вернуться, говоря словами Г.А. Багатурии, к «первому великому открытию Маркса» и заново посмотреть на соотношение мифологии и идеологии, принимая в качестве последней не пустой термин, допускающий включение в самые разные банальные, а то и откровенно плоские, высказывания, а именно понятие идеологии. «Качество» представленного текста, впрочем, также не позволяет рекомендовать его к печати в его сегодняшнем виде. В нём очень много стилистического и терминологического «брака», читатель постоянно вынужден отвлекаться на фрагменты, вызывающие вопросы и недоумение: «выразить языком» (может быть, «выразить в речи»?); «в случае, когда индивидов не устраивает настоящая действительность» (а встречается «ненастоящая»?); «существующие люди должны...» (и снова: а что такое «несуществующие люди»?), и т.п. Важность темы не позволяет отклонить рецензируемый материал, но для публикации в научном издании он должен быть основательно переработан и по содержанию, и по форме. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Общность природы идеологии и мифологии как объект социально-философского анализа» предмет исследования – это сущность и природа происхождения идеологии и мифологии. Цель исследования вытекает из названия работы и состоит в социально-философском обосновании общности природы идеологии и мифологии, хотя в самой работе цель не конкретизирована.

Методология исследования базируется на марксистском понимании природы и сущности идеологии, выраженном в работах К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» и

«Капитал». Анализ этих работ позволяет выделить минимум три смысла: идеология как «ложное сознание», идеология как «мировоззрение» господствующего класса, которое выражает и навязывает его материальные интересы остальным классам, а также идеология как форма классовой борьбы, которая представляет собой систему убеждений и ценностей соответствующих классов. При понимании мифа автор (ы) исходят из его предназначения согласовывать внешний объективный опыт человека и его душевные переживания.

Идеология является важнейшим фактором регуляции жизнедеятельности современного общества, поэтому без осознания механизма ее функционирования невозможно оценить возможности и перспективы целостного развития российского общества. Несмотря на значительное число работ, посвящённых идеологии, проблема взаимосвязи идеологии и мифологии, а также механизма взаимной репрезентации в современном российском обществе, целенаправленно не разрабатывалась, что актуализирует осуществления социально-философского анализа общности данных феноменов.

Научная новизна публикации связана с обоснованием тезиса, что идеология и мифология имеют общность своей природы тогда, когда идеология опирается не на истинные, научные знания, а на иллюзорные и ложные. В данной работе общность природы мифологии и идеологии связывается прежде всего с тем, что эти явления представляют собой определенный способ организации воображаемого или символического и реального порядков, а также их взаимодействия. Это позволяет проработать понятие идеологического мифа как результата интерпретации мифа в структуре идеологии. В работе показано, что идеологический миф, во-первых, излагает события, применимые к наличной ситуации в государстве; во-вторых, подвергается направленной рационализации; в-третьих, может возникать стихийно, однако чаще создается целенаправленно; наконец, зарождается в сознании соответствующего класса. В работе рассматривается «мифомоторика» идеологии как механизм вписывания мифа в идеологию. Выделены две функции мифа в рамках идеологии: обосновывающую и контрапрезентную (противопоставляющую). Выводы, сформулированные в статье, в целом обоснованы. Содержание соответствует требованиям научного текста. Однако, стоит отметить не вполне удачное название подраздела «Общие свойства мифов и идеологии», который на самом деле раскрывает в большей мере свойства мифа. Но тем не менее вывод о наличии ряда свойств, характерных как для мифологии, так и для идеологии, следует признать состоятельным. Данное исследование характеризуется общей последовательностью и грамотностью изложения. Статье присущ хороший уровень научной концептуализации. Она будет представлять интерес для социальных философов и культурологов.

Библиография работы включает всего 20 публикаций по проблематике мифологии и идеологии. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Вывод: Статья «Общность природы идеологии и мифологии как объект социально-философского анализа» имеет научно-теоретическую значимость, соответствует отрасли – философские науки. Работа может быть опубликована.